

## Евгений Гонтмахер,

ЧЛЕН ПРАВЛЕНИЯ  
ИНСТИТУТА  
СОВРЕМЕННОГО  
РАЗВИТИЯ



## Как купить здоровье

Почему мы болеем много и дорого

Несколько лет назад, когда за счет средств приоритетного национального проекта «Здоровье» началась выборочная диспансеризация населения, я с удивлением узнал из интервью одного высокопоставленного чиновника, что благодаря этому число выданных больничных листов уже уменьшилось. Почему я удивился? Дело в том, что любое углубленное исследование среднего россиянина тут же выявляет кучу болячек, в том числе застарелых (хронических). А это, в свою очередь, требует интенсивного лечения, несовместимого с хождением на работу. Поэтому число выданных больничных листов должно вырасти. Если этого не произошло, то объяснений два: липовая статистика или искусственные ограничения выдачи больничных.

Я вспомнил этот эпизод, ознакомившись с самой свежей официальной статистикой уровня заболеваемости нашего населения. Росстат нам сообщает, что в минувшее десятилетие этого века число впервые выявленных заболеваний в расчете на 100 тыс. человек ощутимо увеличилось, значительно превысив показатели экономически развитых стран, и на этом уровне в последние годы стабилизировалось. Причем, повторю, речь идет о впервые выявленных случаях, которые дополняют уже имеющийся фон заболеваемости.

Такая статистическая тенденция может быть объяснена двумя причинами: улучшением медицинской статистики (что вполне вероятно после фактической ее ликвидации в 1990-е годы) и увеличением расходов государства и населения на здравоохранение в 2000–2008 годах.

Но вот что дальше? Российское население нуждается в усиленном внимании здравоохранения, что требует и дополнительного его финансирования. Однако, как известно, расходы на эти цели из федерального бюджета в ближайшие годы уменьшаются, возможности регионов весьма ограничены, сборы в Фонд обязательного медицинского страхования практически не будут расти из-за экономической стагнации.

Можно, конечно, ничего не менять, уповав на инстинкт самосохранения большей части россиян, которые выкроют из своих скромных семейных бюджетов деньги на платную медицину. Но тогда может усилиться и без того мощное расслоение внутри российского общества по степени доступности хоть к какому-то качественному здравоохранению. Дело идет к тому, что от классического принципа «богатый платит за бедного, здоровый за больного» мы очень быстро перейдем к принципу «спасайся кто может». Недавнее исследование фонда «Хамовники» показало, что семьи чуть ли не 10 млн российских работников практически отключены от системы государственного здравоохранения. Эти люди занимаются самолечением, обращаются к знахарям, целителям и т. п.

Разговоры об увеличении государственного финансирования здравоохранения бессмысленны опять же по двум причинам: нынешняя социально-экономическая политика не считает это возможным приоритетом, а для начала же в любом случае требуется разобраться с эффективностью уже произведенных затрат, что более реалистично, но пока не сделано. Впрочем, в отношении этого пункта уже есть вроде бы устоявшийся консенсус специалистов: у нас наблюдается перекосяк в сторону наиболее дорогостоящего вида медицинского обслуживания — стационарного (больничного). Между тем нужно делать упор на дневные стационары и первичную (поликлиническую) помощь.

Однако реструктуризация системы здравоохранения должна отталкиваться не только от финансовых возможностей (хотя это очень важно), но прежде всего от состояния здоровья населения. И те цифры Росстата о первично зарегистрированной заболеваемости, которые я привел выше, говорят, скорее всего, о том, что примитивное сокращение больничных коек, несмотря на возможный примитивный экономический эффект, способен дать ощутимый негативный социальный результат. Речь же, видимо, должна идти о тщательном анализе необходимости использования разных видов медицинской помощи по каждому типу заболеваний в региональном разрезе. В социальной терапии, как и, собственно, в медицине, не надо забывать о незыблемом врачебном принципе «не навреди».

## Лечение Лизы оплачено



7 февраля в «Ъ» и на сайте rusfond.ru мы рассказали историю Лизы Большаковой из Московской области («Жизнь без света», Валерий Панюшкин). У девочки медулло-эпителиома — злокачественная опухоль головного мозга. Лиза перенесла 15 операций и химиотерапию, но болезнь прогрессирует. Единственный шанс на спасение — протонная лучевая терапия. Помочь берутся врачи Центра протонной терапии (Прага, Чехия). Рядом соборить: вся сумма (1 871 770 руб.) собрана. Родители Лизы благодарят за помощь. Примите и нашу признательность, дорогие друзья!

Всего с 7 февраля 72 037 телезрителей «Первого канала», читателей «Ъ», 18 региональных СМИ и rusfond.ru исчерпывающе помогли (10 200 572 руб.) 13 больным детям. Спасибо!

полный отчет  
rusfond.ru/sdelano

## Как на войне

Руку Максима Кватюры спасет сложная операция



Диагноз 12-летнего московского мальчика Максима Кватюры такой: последствия взрывной травмы. Ему оторвало два пальца правой руки, потом и третий пришлось удалить, раздробленную кисть собирали по частям. Оставшимся указательным пальцем и мизинцем он ничего не может взять и удержать. Например, не может держать авторучку, чтобы писать. Или взять ложку, чтобы просто поесть. Раньше друзей было много. Теперь остались только самые верные. Другие махнули рукой: калека. Что же за война такая, которая калечит детей?

Это было в прошлом году, в каникулы, вскоре после Нового года. Максим с двоюродным братом Антоном гулял на улице у себя в московском Отрадном. Они были не разлей вода. Мало того что братья, что жили тогда в одной квартире, — они родиться-то ухитрились в один день!

На детской площадке появился мужчина в костюме Деда Мороза. Ребятишки обступили его, он доставал из мешка и раздавал подарки. Братям досталась красивая свечка. Они пошли домой, зажали фитиль, в тот же момент раздался взрыв. Да такой, что вылетели пластиковые стеклопакеты. Антон остался слепым. А Максим, можно сказать, еще легко отделался...

«Легко»... Он ведь не ребенок-немальчишка. Он понимает, что стал инвалидом. Калекой.

Полиция, говорят, даже дела не возбуждала. Полицейские сказали, что мальчики сами виноваты, потому что они якобы играли с петардой. И родители, понятны, виноваты: не уследили, не воспитали. А Марина, мама Максима, никак не может взять в толк: что же это за петарда такая, начиненная металлическими шариками? Врачи же сказали ей, что шарики эти попали в грудь, в шею, в подбородок, в ногу.

Хирургам пришлось основательно поработать над Максимом. Помимо травмы кисти были сломаны лучевая и плечевая кости правой руки, а на левой повреждены сухожилия. В сломанные кости ему вставляли металлические спицы. Пять дней Максим пролежал в реанимации. Перевязки делали под наркозом.

Насчет будущего большинство врачей сходилось на том, что кисть надо бы «ампутировать — и не мучиться». Потому что, говорили они, больше ничего

сделать нельзя, даже оставшимися пальцами Максим вряд ли пошевелит. Ампутировать? Ничего себе «не мучиться!» Впрочем, врачи правы в том смысле, что эти мучения уже не для них...

Но время шло, операция за операцией, реабилитация за реабилитацией — Марина неустанно занималась рукой сына. Ей это было непросто: в то время она уже ждала еще одного ребенка. Но сначала мизинец, а потом и указательный палец стали двигаться — и даже на том месте, где был большой палец, можно было нащупать маленькое, слабое, но все-таки движение. После многих походов и консультаций Марина с Максимом поехали к ярославскому доктору Игорю Голубеву, который оперирует и в Москве. И появилась надежда, что руку удастся сохранить. Но сложное хирургическое лечение предстоит делать в несколько этапов, а государственная квота оплачивает только один этап. Нужны деньги.

Папа Максима — водитель. Зарплата у него 36 тыс. руб. Марина получает декретные (5 тыс. руб.) — минувшим летом родился брат Максима Олег. Ну и всяческие выплаты на инвалида Максима составляют 13 тыс. руб. На жизнь вроде хватает, на серьезное лечение — нет.

Максим пока относится к брату как к живой игрушке, с любовью. Иногда, помогая маме, даже на руки берет, но каждый раз боится не удержать.

А двоюродным братом Антоном они теперь видятся редко. Во-первых, Антон с мамой остался жить там, в Отрадном, а Максим с родителями переехал в другой район. А потом — трудно ведь им сейчас играть, как раньше. Разве что си-

### КАК ПОМОЧЬ

ДЛЯ СПАСЕНИЯ РУКИ МАКСИМА КВАТЮРЫ НЕ ХВАТАЕТ 792 ТЫС. РУБ.

Руководитель клиники «Современные медицинские технологии» Юрий Филимендинов (Ярославль): «Максим получил множественные травмы. Помимо многочисленных ссадин, ран, ожогов и переломов у мальчика была повреждена правая кисть. Ему оказали экстренную медицинскую помощь, провели ряд операций. В настоящее время пальцы не гибнут, образовались посттравматические рубцы, кисть нефункциональна. Несмотря на то что Максим привыкает делать все левой рукой, ему сложно адаптироваться в быту, в учебе. Мы планируем провести многоэтапное лечение, в ходе которого один палец будет пересажен со стопы, а сохранившиеся пальцы реконструированы. Лечение позволит восстановить щипковый захват, способность брать и удерживать предметы».

Большинство врачей сходилось на том, что кисть надо «ампутировать — и не мучиться». Оставшимися пальцами Максим вряд ли пошевелит. Ампутировать? Ничего себе «не мучиться»

деть и вспоминать былые времена. Но тогда обязательно довоспоминаешь до того дня, когда так поломались их жизни. И о чем говорить? Только молчать. Максим понимает, что Антону куда хуже: он теперь в жизни и может, что играть со специальным планшетом...

Жизнь изменилась. Максим к этой новой жизни еще не совсем приспособился.евой рукой писать плохо получается. На улице идти неохота, старается больше быть дома. Потому что ведь замечают, смотрят — кто с любовью или сочувствием, что тоже неприятно, а кто и посмеивается. Вообще у Максима ко многому в жизни отношение изменилось — вот хотя бы к смеху. Раньше и сам хохотал, и друзей в веселье поддеживал, а теперь разве что улыбнется по смешному случаю, а когда смеются другие, сразу смотрит, не над ним ли?

И все-таки они с Антоном живы. Соседи (еще по Отрадному) сказали Марине, что один мальчик, которого в тот день тоже одарил «Дед Мороз», погиб.

Да-да, в Отрадном это было. В Отрадном, где совсем недавно война повернулась другой стороной: уже взрослые стали жертвами, а странный мальчик — убийцей. Конечно, никаких аналогий, конечно, случайное совпадение. Но что же это за стопа у нас идет?

Виктор Костюковский

## Беззаконие

Выиграть дело в суде, но проиграть в жизни

Довольно часто «Правонападение» выигрывает суд, но решение суда не исполняется. Это потому так, что федеральные законы часто не находят отражения в региональном законодательстве и исполнение их оказывается не предусмотренным региональными бюджетами.

Закон №323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» обновлен уже два года назад, в январе 2012-го. Согласно статье 44 обновленного закона, государство обязуется финансировать лечение 24 орфанных (редких) заболеваний. Лечение этих редких болезней должно финансироваться на региональном уровне. Но финансируется далеко не везде. И можно доказать в судах, что должно финансироваться. Но добиться реального финансирования куда труднее. Лечить своих детей с орфанными заболеваниями регионы должны, но не лечат, потому что сами же не приняли себе предусмотренных российским законодательством территориальных программ, на основании которых на это лечение будут выделяться деньги.

По закону №184-ФЗ «Об общих принципах организации... власти» (от 6 октября 1999 года) региональное законо-

дательство должно быть приведено в соответствие федеральному в течение трех месяцев после того, как был изменен федеральный закон. Значит, региональные программы лечения орфанных заболеваний должны были быть приняты во всех субъектах РФ в апреле 2012 года.

Но пока что приняты они только в Свердловской, Ленинградской, Ярославской, Ростовской, Владимирской, Орловской, Новгородской, Курской, Московской, Новосибирской, Белгородской, Тамбовской, Кемеровской, Омской, Тверской, Магаданской, Курганской областях, республиках Алтай, Саха (Якутия), Бурятия, Мордовия, Чувашской Республике, в Красноярском и Краснодарском краях, в Ямало-Ненецком автономном округе (24 из 83 субъектов РФ). Законодательные акты по обеспечению больных лекарствами, принятые в перечисленных выше субъектах федерации, не одинаковы, не однозначны, могут трактоваться не в пользу пациента. Но все же здесь родители тяжелобольного ребенка, которому государство обещало лекарства и не дает, могут добиться лечения не только через суд.

В других же регионах, где государство обещало ребенка лечить и не лечит,

суд тоже можно выиграть. Но непонятно, куда обращаться за лекарствами, и непонятно, на каком основании. К федеральной власти обращаться бессмысленно: она уже приняла закон, гарантирующий лечение орфанных заболеваний, и уже возложила исполнение этого закона на регионы. К региональной власти тоже обращаться бессмысленно: она еще не приняла программу лечения орфанных больных.

Следить за тем, чтобы региональные программы принимались вовремя, должен уполномоченный федеральный орган, то есть Минздрав РФ. В пункте первом положения о министерстве прямо написано, что Минздрав этим уполномоченным органом является.

Без пригляда Минздрава не то что регионы отказываются лечить больных, а просто программы еще нет, и денег, обеспечивающих исполнение программы, нет в бюджете, и вот уже два года как нет, и непонятно, когда будут. Можно, конечно, настаивать и скандалить. Тогда лекарства дадут. Но это будет значить, что отобрали у кого-то другого.

Валерий Панюшкин, руководитель проекта Русфонда «Правонападение»

## Из свежей почты

Кирилл Фоменко, 5 лет, детский церебральный паралич, требуется курсовое лечение. 228 420 руб.

Кириуша — наш поздний ребенок. Мы с мужем прожили вместе 20 лет, у нас два взрослых сына. Беременность у меня протекала спокойно. А роды были мучительные. Сын появился путем экстренно кесарева, в тяжелом состоянии, с кровоизлиянием в головной мозг. Развилась гидроцефалия. В месяц от роду ему провели шунтирование. А в четыре месяца поставили диагноз «ДЦП». Мы кочевали по больницам и медцентрам. Тем временем муж бросил работу, чтобы ухаживать за родителями после инсульта, он постоянно жат кулак. Кроме того, сын гиперактивен, не слушается, кричит. Нас готовы принять на лечение в Институте медтехнологий (ИМТ), а платить нечем. Сбережения мы истратили, влезли в долги и кредиты, научились просить... Буду благодарна за любую помощь. Светлана Фоменко, Ставропольский край

Невролог ИМТ Елена Малахова (Москва): «Необходима госпитализация. Мы надеемся, что лечение поможет мальчику улучшить походку и моторику правой руки, развить речь, скорректировать поведенческие реакции».

Игорь Алексеев, 7 лет, сахарный диабет 1-го типа, требуются инсулиновая помпа и расходные материалы к ней. 199 676 руб.

Сын заболел диабетом в три года. Попал в реанимацию, ночь провел под капельницей, пока сахар не пришел в норму. А потом постоянные уколы инсулина! Как объяснить малышу, что так будет всегда? Игорь выдерживает диету, наш день расписан по часам. Приходится и ночью будить сына, чтобы сделать укол инсулина. Но сахар, несмотря на все старания, нестабильный, появились осложнения, болят ноги. Избавит сына от этих мучений только постановка инсулиновой помпы. Живем мы с Игорем вдвоем на его пенсию и мое пособие по уходу за больным ребенком, это 15,5 тыс. руб. Помпу нам никогда не купит. Надежда только на вас. Вера Алексеева, Псковская область

Врач-эндокринолог детской областной больницы Юлия Солдатова (Псков): «Добиться компенсации диабета не удастся. Целесообразно, учитывая возраст и тяжесть заболевания, перевести Игоря на инсулиновую помпу».

Саша Лассуед, 3 года, врожденная левосторонняя косоплоская, рецидив, требуется лечение по методу Понсети. 155 тыс. руб.

Саша родился с двусторонней косоплоскостью. Левая стопа была так сильно подвернута, что носочек не наденешь. С девятого дня жизни сыну гипсовали ноги, затем фиксировали их лангетами. Саша носил специальный ортопедический обув. Проводили курсы массажа, лечебной физкультуры и физиотерапии. Но левую ножку так и не удалось выпрямить. Я стала искать другие методы лечения и узнала про метод Понсети. Но средств у нас уже нет — мы и так платим за все процедуры, включая массаж, поскольку лист ожидания расписан на месяцы вперед. Муж маляр-монтажник, получает 17,5 тыс. руб. Помогите! Мария Поливанова, Москва

Руководитель клиники «Современные медицинские технологии» Юрий Филимендинов (Ярославль): «Мы проведем Саше серию гипсований, а затем транспозицию (перемещение) сухожилия передней большеберцовой мышцы на клиновидную кость. В результате стопа примет правильное положение».

Вика Лидер, полтора года, врожденный порок сердца, спасет эндovasкулярная операция. 253 тыс. руб.

Когда Вике был месяц, районный педиатр обратила внимание на то, что у дочки посинел носогубный треугольник и шум в сердце. Но к кардиологу не направила, сказав, что до полугода ЭКГ не делают. А когда дочке исполнился год, мы обратились в НИИ кардиологии, и у нее выявили врожденный порок, вторичный дефект межпредсердной перегородки. Специалисты рекомендуют щадящую операцию, ведь Вика ослаблена, очень худенькая. Упустить время нельзя: правые камеры сердца уже сильно увеличены, нарушается кровообращение. Помогите оплатить операцию! Денег едва хватает на питание. Муж техник, зарабатывает всего 4,5 тыс. руб. Организация, где я работала, ликвидирована, получаю соцпособие 740 руб. Юлия Лидер, Томская область

Старший научный сотрудник Томского НИИ кардиологии СО РАМН Евгений Кривошеков: «Вике показано эндovasкулярное закрытие дефекта межпредсердной перегородки».

Реквизиты для помощи есть в фонде. Возможны электронные пожертвования (подробности на rusfond.ru).

Почта за неделю 07.02.14 — 13.02.14

ПОЛУЧЕНО ПРОСЬБЫ — 41  
ПРИНЯТО В РАБОТУ — 41  
ОТПРАВЛЕНО В МИНЗДРАВ РФ — 0  
ПОЛУЧЕНО ОТВЕТОВ ИЗ МИНЗДРАВА РФ — 2

все сюжеты  
rusfond.ru/pomogite; rusfond.ru/minzdrav

Для тех, кто впервые знакомится с деятельностью Русфонда

Русфонд (Российский фонд помощи) создан осенью 1996 года для помощи авторам отчаянных писем в «Ъ». Проверив письма, мы размещаем их в «Ъ», на сайтах rusfond.ru, livejournal.com, «Жизнь без света», Здоровье@mail.ru, в эфире «Первого канала», а также в 18 печатных, телевизионных и интернет-СМИ в различных регионах РФ. Решив помочь, вы получаете у нас реквизиты фонда и дальше действуете сами либо отправляете пожертвования через систему электронных платежей. Возможны переводы с кредитных карт, электронной наличностью и SMS-сообщением, в том числе из-за рубежа (подробности на rusfond.ru). Мы просто помогаем вам помогать. Читателям и телезрителям затея понравилась: всего собрано свыше \$144,3 млн. В 2014 году (на 13 февраля) собрано 236 308 500 руб., помощь получил 151 ребенок. Мы организуем и акции помощи в дни национальных катастроф. Фонд — лауреат национальной премии «Серебряный лучник» за 2000 год. Адрес фонда: 125252, г. Москва, а/я 50; rusfond.ru; e-mail: rusfond@kommersant.ru. Телефоны: 8-800-250-75-25 (звонок по России бесплатный), благотворительная линия от МТС), факс (495) 926-35-63 с 10:00 до 20:00.